
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

КОММУНИКАТИВНЫЙ МОДУС И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОКРУЖЕНИИ РАЗНОПОЛЯРНОГО МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СТАРООБРЯДЦЕВ-СТРАННИКОВ)

С. Ю. Нагорная*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
nagornaya@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются актуальные в мировой ситуации глобализации и интенсификации межкультурной коммуникации особенности коммуникативного поведения представителей ярко выраженного антиассимилятивного культурного поведения – старообрядцев-странников в аспекте осознания и сохранения этнокультурной самоценности.

Ключевые слова: старообрядчество, самосознание, коммуникативные стратегии и тактики.

Введение

В современной мировой ситуации глобализации и активных интеграционных процессов, интенсификации международного общения все острее декларируются проблемы самоидентификации, сохранения национальной самобытности и самосознания. Интеграционные процессы заставляют носителей языка задуматься об утрате самобытности при культурной ассимиляции. Полярный модус интеграции заключается в изоляции от чуждого культурного пространства, при которой происходит консервация и сохранение национальных доминант. Оба пути могут расцениваться как экстремальные.

Показательным примером ярко выраженного антиассимилятивного культурного поведения является особая часть русского этноса – старообрядчество, которая эксплицитно фиксирует уникальный опыт в аспекте коллективных и индивидуальных речеведческих тактик.

С одной стороны, в старовойсении с момента раскола русской православной церкви, т. е. с XVII в., доминировала установка на изоляцию от «инаковерующих», для сохранения «чистоты веры», с другой стороны, объективная реальность вызвала к жизни развитие коммуникативных стратегий и тактик, не только с контрагентами, но и иноверцами, и иноземцами.

Старообрядцы переселялись в поисках обетованной земли *Беловодья* не только на незаселенные земли Урала и Сибирской тайги, но обосновывались среди иноверцев: бурят в Забайкалье, алтайцев в Горном Алтае, за пределами Российского государства (именно поэтому сегодня старообрядцы живут в более чем 20 странах мира). Таким образом, старообрядчество представляет собою уникальный опыт в плане меж-

культурной коммуникации, эксплицируя возможность сохранения культурной и конфессиональной специфики и жизнеспособности в постоянно изменяющихся социосистемах, уникальные адаптационные и стабилизирующие механизмы [1]. Пристального внимания заслуживает опыт одного из малоизученных направлений в староверии – страннического согласия, которое характеризуется, с одной стороны, постулированием ярко выраженного антиассимилятивного культурного поведения, стремлением к изоляции, оппозициональным отношением к официальным властям и иноверцам, с другой стороны, при всем пафосе мироотрицания, на практике демонстрирующее успешное включение в сферы бытия.

Основная часть

Для достижения в межкультурном и межконфессиональном общении полноты взаимопонимания и взаимодействия староверам приходилось вырабатывать самобытную речевую стратегию. Старообрядец, освоивший и усвоивший когнитивный опыт, который был выработан в его национальном сообществе, при международной коммуникации встречался с необходимостью понять и усвоить иную концептуализацию мира, иной когнитивный опыт, закрепленный в другом языке, структуру другого этикета. Для этого он должен был изучать культурные стереотипы иноплеменников, знакомиться с их нравами, особенностями, изучать их коммуникативные стереотипы.

Вступая в международный коммуникативный процесс, старообрядец определяет стратегию своего речевого поведения исходя из пресуппозиции получателя речи. Под речевой стратегией нами понимается комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. Речевыми стратегиями могут управлять определенные установки субъекта, его системы ценностей, убеждений. Эффективность речевых стратегий определяется «результатами или последствиями социального взаимодействия, независимо от того, является ли данный результат преднамеренным, осознанно планируемым» [2, с. 60]. Изучение коммуникативных стратегий позволяет увидеть зависимость выбора и реализации той или иной коммуникативной стратегии от коммуникативного, социального опыта продуцента и его индивидуальных особенностей. Общечеловеческая ситуация предполагает разные тактики поведения в различных этнокультурных языковых общностях. Для каждой тактики характерны определенные клишированные средства знакового выражения, как вербальные, так и невербальные.

Ориентация речевого замысла говорящего на достижение взаимности выражается и в системном преобразовании начальной прагмалингвистической ситуации.

Тексты XVIII в. идеолога страннического согласия инока Евфимия представляют собою уникальный опыт коммуникативного взаимодействия как с единоверцами, так и иноверцами.

Основная коммуникативная цель Евфимия – убедить и своих последователей, и своих оппонентов в правильности своего поведения, оправдать единственно возможный свой выбор – отмежевание от старообрядческого согласия филипповцев и образование нового толка «истинно верующих».

Коммуникативная стратегия убеждения, имеющая кроме основной цели еще и желание избавиться от подозрений и обвинений реализуется с помощью следующих коммуникативных тактик:

- оправдания;
- убеждение в своей искренности;
- отрицание предыдущих обвинительных пресуппозиций;
- апелляция к авторитету;
- апелляция к чувствам, к отношениям, к качествам;
- апелляция к категориям Добра/Зла; Вреда/Пользы;
- построение оппозиции «свои»/ «чужие»;
- обвинение.

Так, отклонение необоснованных обвинений строится через метаописание коммуникативной ситуации: Евфимий через номинацию *оговорка* выражает оценку пресуппозиции, используя данный коммуникативный прием с намерением отрицать обвинения, необоснованные претензии:

Сицневъмазъкако и откуду, праизыденанасъбъдствуещиx таковое вышемърноеълнодерзостноенеццеваніе. понеже нъцьиоглаголуеще, таковынанасъпроизносеть глас. Якобы мы послѣднѣишии расколу, иразвращениюцрковномувинъподлежаще, и оческому преданію несогласнысотворяшеся. того ради нас сосуждаещетакооглаголуют. [невнимаеще ниже смотряещевъсценная писанія. Инималослышати хотяще. Еже занесогласнае писанію разумѣніе, ИСО оцызанеединомысліе], кто таковым развратам и расколом црковнымвинъподлежати будет. Итаковым отступническим именем порицатися может (510: л. 2).

Для старообрядцев любого согласия авторитарная топика является незабываемым образцом поведения. Любой поступок должен оцениваться через прецедентный сакральный текст, который используется также и в обосновании адаптационных практик в современных авторах условиях, служат защитой от произвольных интерпретаций и модификаций. Образцовым текстом для авторов-странников были тексты Св. Писания, святоотеческий поучений, раннего староверия: *глющеисправити. Но зрите лебезніи вкормчейналисту (67 м) показуетсясице: правдънесуци, смирненіе немало ввещехъградски(хо и начальствуемы(х) б(ы)вае(т)[коль паче вирковныхъ] о(т) вышеписаннаго же матфеоваписма, явъпоказуется ваше неисправленіе тако просто вирквиостае(т)ся б(ы)ти (510, 132); якожеглапрбнъши максим испавѣдникъ к патрикію (510: 132 об.)*

Структурирование социума путем построения оппозиции «свой – чужие» имеет давние социокультурные традиции. Наряду с общечеловеческими ценностями представители любого этноса ориентируются еще и на коллективные ценности-интересы. Само сообщество устанавливает для своих членов нормы, правила, законы, регулирующие поведение. По словам О. С. Иссерс, «сама манипулятивная природа социума является базой для управления им, в том числе и посредством речевого воздействия. Это находит отражение в одной из базовых семантических категорий персуазивной коммуникации – в категории «свой круг»» [2, с. 45], основными концептами которой являются дихотомически противопоставленные единицы *свой – чужой*. В этой системе координат устанавливаются отношения между я говорящего, собеседником и третьими лицами.

Воздействующей силой обладает прием отождествления, или идентификации, формирование *своего круга*, что осуществляется через прямую номинацию, разграничивающих *своих* и *чужих* на основе символов Добра и Зла, соответствующих модели мира говорящего: *чрез невѣрных учинили (510: 124 об.) Сицежеионъишихъ сто статіи, общимъ же братиямсовѣтомуस्ताменишася. аво оныхъ статіяхихъ нам присмотрис, Яко законъ нашихъ оцъпремънися. понуждежнашедшаго сего временезаконъфедосеевъстароженческіи, и новожженческіи утвердися. чесо ради азъбывшаго сними втомвподписанія статей ихъ сообщенія, яко с ними сторожены исновоженысообщихся (510: 7 об.).*

Идентификация строится на сближении по свойствам, или с помощью атрибуции. Через указание на признаки, присущие объекту, устанавливается его принадлежность к своим или чужим: *Токмо оспасеніи вѣрныхъледейбжійихъ до всего нашего православнагосословія неотложнъ касается (510: 131 об.).*

Персонификация реализуется через обозначение «я-мы», подтверждающее общность модели мира, общие пресуппозиции: *ибо сего настояцагомногогорбнагоплачевнаговремене, внеприсудствіи православныхъ архипастырей, хотящимъ пребывативправаславійвѣрѣ. и усердствующимъ всовершенномънамъреніи назиданія добродѣтелей, спасеніе намъ свое промышляти, неинако от оцъпреда она бысть, точіе якожевпредирѣхом, двѣственноебезженное иноческое чистое проходити нам*

предаша житіе. запреступленіе же и нехраненіе своего объта, повельшаотцквиотлучати, иотнюдьнепріимати, дондежепробываютьвтаковом безоконном савокупленіи по III, правилу великаговасилія (510: 75 об).

Автор использует эмоционально-настраивающие тактики, имеющие цель установить кооперативную коммуникацию: *Присемъжепріидеми нужда, иванъмихаилычъивасилеимихаилычъ, и к вашему бголебію опроисшедшем нашем свами договоръпабесъдовати: еже прошедшаго, ЗСПИ году, февраля, в 3 днь, в иткъ. по приъздеискимрыандреяиванова, тогда вы пришедшее комнъвъкълю, иглашасице: топеръунасочехочетъмиръ чинитя, и ты де бга ради оче моего намъ не здълайпрепятія в том, тыде погоди покамеріиматисязадховноедъство. Иегда де внасмиръ устоитя, то де тогоже часу немъшкавотебъкотцуандреанучлка пошлем спровителнымотбратскагосовътаписмом немедленно. о разръшеніи сним вашего дъла. такоже и ты к нему напиши от себя своеручное писмоспокореніем постомусимеонуфесалоницкомуприпадателное. а онъ тебя хотя разръшит или нетътаде твое дъло братством разръшитсяатебъ де токмо и патерпътътобудетъндльдесять, какъ от оцапрідетъизвъстіе (510: 123 об.).*

Убеждение Евфимий строит на основе тактики обвинения, выраженного как эксплицитно, так и имплицитно: *и тъммногія вас признают нарушителемъ и нехранителем своего слова и объта. и егда вы втакое себя состояніе определите, то овсемкъстаранію все братъствоподвизнетъ (510: 131).*

Следует подчеркнуть условия данной стратегии. Обвинение носит публичный характер, но осуществляется через опосредованный контакт, так как обвиняемые присутствуют в ситуации лишь «потенциально». Таким образом, речь идет о косвенном адресате. При этом обязательным участником коммуникации становится *наблюдатель*, т.е. читатель, являющийся прямым адресатом высказывания. Данные условия коммуникации усложняют ситуацию: Евфимию, во-первых, требуется дискредитировать оппонента в глазах читателя, во-вторых, задеть чувства оппонентов. Успешность коммуникативной стратегии, ее результативность возможна только при решении обеих задач.

Обвинения Евфимий выстраивает исходя из установки, что читатель может оценивать его оппонентов либо положительно, либо нейтрально, из чего вытекает главная цель автора – убедить читателя согласиться со взглядами адресанта.

Даже структурирование целого сборника, автором которого является инок Евфимий, подбор и расположение в нем всех текстов отражает целенаправленность интенции, сознательное намерение автора выделить причинно-следственные связи описываемых событий. Так, сборник начинается посланием Евфимия к филипповскому московскому наставнику Ивану Алексееву «*збратіе*».

Продуктивными коммуникативными приемами тактики обвинения являются **прямые обвинения**. При этом автор сборника чаще всего использует прямые обвинения в адрес другого лидера филипповского согласия, в котором он некоторое время состоял.

Коммуникативной целью автора является индуцирование желательной семантики, для чего используется оценочная лексика с отрицательной коннотацией, экспрессивность: *и вто(м) нареко(х) его которнино(м). и призна(х) засамовольствовоево, яко о(т)самыяморовыя язвы, о(т)него вспроисходящя б(ы)шавъцрквикоторы и расколы такореко(х) ему (510: 5 об.).*

Приемами прямых обвинений являются: установление желательных причинно-следственных связей; навязывание скрытого дедуктивного вывода; антитеза.

На антитезе и аллюзии строятся **обобщения**.

В адрес Алексея Яковлева Евфимий редко использует прямые обвинения, здесь чаще отмечаются **косвенные обвинения**. Целью косвенных обвинений является создание желательных для говорящего (адресанта) ассоциаций, сравнений.

Аллюзия выражает соотношение содержания текста с прецедентным фактом, является средством выражения оценки.

Развернутая метафора может быть оценена как инструмент познания действительности, выражает сложность умозаключений. Перенос наименования с одного объекта на другой позволяет характеризовать последний, выразить к нему отношение.

Авторы используют как кооперативные стратегии, так и конфронтационные. К кооперативным стратегиям относятся прежде всего стратегии ритуальные, традиционные, этикетные, имеющие цель установить контакт, эмоционально настроить коммуникантов на кооперацию, такие стратегии традиционно относят к прагматическим, например, обращение, приветствие, пожелание, прощание, поддержание добрых отношений

Риторические/ этикетные установка на кооперативную коммуникацию, контактоустанавливающие тактики, эмоционально-настраивающие: *и я вамъ лебезнѣи (510: 124)*. При обвинении: *и тако видите лебезнѣи (510: 129 об.)*; обращение: *Гдѣ Исѣ хрѣте сне бжѣм помилуй нас Честному оцу и единовѣрному охъ брату Ивану алексеиче, грѣшныи старецъ Евфиміи, жѣлае вам мира здравія и дшевнаго спасенія, и охртъ Исѣ радоватися (510: 128)*. *Гсди исѣ хрѣте сне бжѣи помилуй нас. О хртъ смиренному оцу и брату Евфимію, многогрѣшныи Иванъ зовамыи Матфей, и лице земно предстапами вашими себѣ полагаю, и всо грѣшеніих моих ваших молитвъ всеусердно прошу, равно же и благодарность мою заваше прѣятство приношу (510: 130)*; пожелание: *Гди исѣ сне Бжѣя помилуй нас Честнѣишему оцу и брату Ивану алексеиче збратіе радоватися*; прощание: *и за сим писавы грѣшныи предбгомъ, и послѣднѣи вчеловѣцъ хъ старецъ, воумиленіи ислезохъ стопам ногу твое кланется (510: 129 об.)*

Коммуникативный ход сообщение о непонимании, цель которого отрицать пресуппозиции, Евфимий реализует через номинацию оговорки, выражая тем самым оценку пресуппозиции: *Сицневъ мазъ како и откуда, праизыденанасъ бдствуещи таково выше мѣрно ездно дерзостно енепцеваніе. понеже нѣцѣи о глаголуеще, таковыи нанасъ произносетъ глас. Якобы мы послѣднѣишии расколу, и развращенію црковному винъ подлежаще, и оческому преданію несогласныи сотворившеся. того ради нас сосуждаеще тако о глаголуют. [невнимаеще ниже смотряеще въ сиценная писанія. Ини малослышати хотяеще. Еже занесогласнае писанію разумнѣи, ИСО оцы зане единомыслие], кто таковым развратом и расколом црковным винъ подлежати будут. И таковым отступническим именем порицатися может (510: л.2)*

В убеждении Евфимий используется и путь интенсификации сильных сторон собеседника и слабых собственных сторон, т.е. речевая тактика строится на принижении сильных своих сторон: *нанасъ бдствуещи, мы грубо немысленіи и послѣднѣи старецъ Евфиміи, аще изълогрѣшенесмъ предбгомъ, послѣднѣи, и хуждѣишии всѣх, азъ недостойныи (510: 128)*, *грѣшныи предбгомъ, и послѣднѣи вчеловѣцъ хъ старецъ (510: 129 об.)*; *И в том прошу вас послѣднѣи, и хуждѣишии всѣх, милостивное и всемирное братолюбное о нас учинить спобольнѣи (510, 30б.)*

В данном случае пресуппозиция отправителя и получателя речи совпадает в старообрядческой и китайской традиции. Старообрядцы продолжают традиционную для средневековой Руси тактику самоуничижения, которая в современной России претерпела коренные изменения, а в китайской культуре, например, существует и сегодня. В китайском языке есть поговорка: «*Вьлетавишую птицу стреляют*», означающая, что те, кто демонстрируют свои способности слишком открыто, рискуют быть осужденными другими. Есть и другие высказывания, восхваляющие скромность человека: «*Рисовые колосья созревают и низко склоняются*». Подразумевается, что лучше быть скромным и вежливым, нежели высокомерным, даже если ты более зрелый, опытный и образованный человек.

Убеждение, как одна из частотных стратегий данного дискурса, заставляет ста-

роообрядцев-странников постоянно совершенствовать коммуникативные тактики в зависимости от конкретного адресата.

Таким образом, в старообрядчестве наблюдаются несовместимые, но, в то же время, сосуществующие когнитивные модели: изоляция от мира для сохранения «древлеправославного благочестия» и себя как истинно праведных христиан и развитие коммуникативных стратегий и тактик, детерминированное объективной реальностью. При этом сохранялась внутренняя идентификация, основанием которой были архетипические стереотипы нравственно-религиозных установок.

Процесс поляризации понятий «свой» — «чужой» в реальности оказался динамичным. Данная универсальная оппозиция входит в концептуальную картину мира старообрядцев наряду с альтернативными пространствами царства Бога и царства антихриста.

Оппозитивность в суждениях и оценках, ярко выраженная биполярность обусловлены восприятием мира как двойственности бытия с параллелизмом идеального и материального. Дуализм оценивается как норма и отражается на всех уровнях жизни. Взаимообусловленные оппозиции охватывают основные значимые концепты (вера, пространство, мир и т.д.), постулируя определенное видение мира. Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский, как известно, усматривали ее историко-культурные истоки в отсутствии в православии понятия чистилища, т.е. в отсутствии промежуточной зоны между грехом и святостью [3].

Следует отметить и то, что радикальные староверческие согласия, такие как странническое, вели активную пропагандистскую деятельность. Поэтому они должны были уметь говорить на языке своих оппонентов.

Странники, или бегуны, выделяются из староверия во второй половине XVIII в. и становятся одним из влиятельных направлений старообрядчества. Они отличались наибольшим радикализмом в отношении к государству и официальной церкви, особой строгостью устава. Специфика страннического вероучения определялась проповедью необходимости и правомерности для истинных христиан побега из царства антихриста, наступление которого в России они связывали с реформами Петра 1, ср. в тексте XIX в.: *ни единой власти ниповинуемся и непокаряемскакъника еретика, иалексея отступника, а наипаче всехъпервагопетра императора изаличнаго папу антихриста, за самого сатану осмотысящнаго, и его намЪстника... и все евозакону уложение антихристовобогоотстъупноотвЪргаем и попираем и проклинаем* [5, с. 3].

По теории расчлененного антихриста, принятой странниками, со смертью Петра 1 зло не исчезает из России, оно передается от монарха к его последующему приемнику «до скончания века» [5, с.34]. Спасти свою душу во время царствования антихриста, по мнению идеолога данного конфессионального сообщества Евфимия, можно либо смелым исповеданием веры перед его силами, обличением его словом и делом, либо бегством из мира [6, с.19]. Путь бегства расценивался как универсальный и единственно верный образец поведения в «последние времена». Уход из мира антихриста не просто вызов, а активное социальное действие, т.е. бегуны пропагандировали деятельное странничество: *небесловесно мы скитаемся, истранническоепретЪрпЪваемъ житие. Скитаемся убо,ибгородное житие живемътрехъ ради сицевывъвинъ* [7, с. 130].

Путь борьбы с антихристом реализовывался в проповедях и сочинениях, которые имели большое влияние в среде не только единоверцев, но и приверженцев официальной церкви, так, активизация бегунов «являлась существенным элементом общественно-политического кризиса в Сибири 1850 – 1860 гг. Призывы странников о необходимости активной борьбы с царизмом, о неподчинении законам находили поддержку среди эксплуатируемого населения кабинетных земель Томской губернии» [8, с. 68]. Царское правительство было всерьез обеспокоено подобной пропагандой «религиозных бунтовщиков». Специально для противодействия ей в Томске был создан в 1857 г. секретной комитет по делам о пропаганде раскола.

Таким образом, для достижения своих прагматических задач, странники выбирают речевые стратегии с целью не только воздействовать на реципиентов, но даже трансформировать стереотип представления адресата в желательном для говорящего направлении [9, с.70].

При этом, согласие странников отличалось достаточно сложной внутренней структурой, в которую входили: 1) «истинно православные христиане странствующие», т. е. те, которые приняли крещение в странствование; 2) «оглашенные», т. е. те, которые готовятся принять крещение и постриг; 3) «странноприимцы», те, которые живут пока «в миру антихриста» и обязаны помогать истинным христианам в исповедании веры, но дали обет со временем «уйти в странство». Подобная разветвленность заставляла активизировать межличностные коммуникативные тактики. Мирские странники, включенные в социальную структуру «инаковерующего» общества, вынуждены были адаптироваться в данной среде.

Ценностные императивы, максимально значимые связи для языковой картины мира позволяли старообрядцам реинтерпретировать новые ситуации, а универсальный медиатор традиционного опыта позволял увеличивать коммуникативную активность и эвокационные способности.

Непрерывная духовная практика и ценностная ориентация данного дискурса способствовали акцептации мира и себя в условиях полной или частичной изоляции в России и иносреде. Несмотря на эсхатологическую насыщенность вероучения, старообрядчество доказало свою жизнеспособность.

До сих пор старообрядцами сохраняется такой принцип уклада жизни, когда вероисповедание и быт составляют одно целое, являясь частями единой системы. Духовная практика никогда не подвергалась упрощению, т. к. жизненные модусы не знали секуляризации.

Образцом действия, по которому сверяются индивидуальные поступки в данном дискурсе, была и остается авторитарная топика. С одной стороны, это дает уверенность в жизни, ценностях, особенно во времена исторических потрясений, не допускает до фрустрации, давая понимание себя и окружающего мира; с другой стороны, возлагает ответственность за действия конкретного человека не него самого. Не случайно в языке данной конфессиональной группы нет специфических слов, связанных с идеей вероятности, квазиответственности, таких как *образуется, обойдется, авось, на всякий случай, а вдруг* и т.д.

Владение традиционным языком православия в устном и письменном узусах – церковнославянским, восприятие его как сакрального языка, позволяет старообрядцам пользоваться когнитивной базой христианской культуры, не упрощать духовную практику, а также вербализовывать религиозный опыт.

Кроме того, в данном дискурсе кроме церковнославянского языка используется русский язык. Соотношение церковнославянского и русского языков также составляет уникальный кумулятивный и коммуникативный опыт, позволяющий оценивать и реализовывать полярные коннотации.

При этом язык не остается без изменений. Хотя для средневекового сознания приверженность внешнему ощущалось как соответствие внутреннему содержанию, время показало, что внешняя форма может изменяться без нарушения доминантного когнитивного признака, заложенного во внутренней форме и исполняющего роль стабилизатора когнитивной структуры, без нарушения внутренней сущности православия и заповедей предков. История старообрядчества эксплицирует дальнейшее развитие древнерусских традиций в условиях новой культурной ситуации, когда духовная концептуализация, являясь опорой этнического самосознания, сформировала уникальный субэтнос.

Данный дискурс, отражающий полярные установки, прежде всего такие, как, с одной стороны, декларативное полное отрицание адаптации, пуризм, а в реальности – уникальный опыт межкультурной коммуникации, представляет возможным

исследовать коммуникативные стратегии и тактики в различных аспектах: синхроническом (в том числе, на уровне межличностного дискурса, изучение речевого целого), в диахроническом (старообрядчество вчера и сегодня), в прагмалингвистическом (описание дискурса как особым образом организованной открытой системы), в структурном (как часть межкультурной коммуникации, дискурсивной практики русских). Все это позволит получить более адекватное представление о реальном состоянии вербальной коммуникации в этносе, определить общий вектор эволюции смыслов – их расширение и переосмысление как механизм приспособления к новым эпохам, новым отношениям.

Выводы

Социально-исторический опыт старообрядчества с национальным приоритетом ценностей духовного порядка необходим для дальнейшего изучения речеповеденческих стратегий и тактик с целью оптимизации межличностной и международной коммуникации.

Старообрядчество с неоспоримостью свидетельствует, что при значительной интенсификации межкультурной коммуникации возможно сохранение национальной самобытности при условии осознания этнокультурной самоценности и непрерывной духовной практики.

Список литературы

1. Нагорная С. Ю. Странники: пространство в старообрядческих текстах / С. Ю. Нагорная // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – № 1. – 2007. – С. 99 – 104.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1999. – 284 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
4. Лотман М. Ю., Успенский Б. А.. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избранные труды. – Т.1./ М. Ю. Лотман., Б. А. Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – 432 с.
5. Отвѣтъ христiанской; властѣм; богопротивным по вопросу, РГБ, собр. Е. В. Барсова, ф.17, № 523 (Примеры в работе приводятся без сохранения авторской орфографии). – 210 л.
6. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII веке / Н. Н. Покровский. – Новосибирск: Наука, 1974. – 294 с.
7. Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. / А. И. Мальцев. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996. – 268 с.
8. Тестамент наказательный возлюбленному сну моему (Собрание рукописных книг при старообрядческой церкви г. Новосибирска).
9. Должиков В. А. Сибирь и «русский вопрос» / В. А. Должиков. // Русская идея. – Барнаул: АГУ, 1992. – С. 63 – 78.

COMMUNICATIVE MODUS AND NATIONAL IDENTITY IN BIPOLAR WORLD (BY TEXT MATERIALS WANDERER OLD BELIEVERS)

S. Y. Nagornaya

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nagornaya@bsu.edu.ru*

The article discusses the current situation in the world of globalization and the intensification of cross-cultural communication features of communicative behavior of representatives pronounced non-assimilatory cultural behavior – old believers strangers in terms of awareness and preservation of ethnic and cultural self-worth.

Keywords: old believers, self-awareness, communication strategy and tactics.